

*Фредди и Джонни,
маленьким мужчинам, с которыми она провела
самые лучшие и счастливые часы своей жизни,
посвящает эту книгу любящая «тетя Вуди*

Глава первая

НАТ

— Прошу прощения, сэр, это Пламфилд? — осведомился маленький оборванец у мужчины, открывшего внушительные ворота, перед которыми мальчугана высадил омнибус.

— Да. Тебя кто прислал?

— Мистер Лоренс. У меня письмо к хозяйке.

— Ладно, ступай в дом и передай в руки, она, паренек, тебя примет.

Мужчина говорил приветливо, и мальчик зашагал дальше, сильно приободренный. Сквозь мягкую весеннюю морось Нат увидел перед собой большое квадратное здание, точнее, гостеприимный на вид дом со старомодным крыльцом, широкой лестницей и светом во многих окнах. Жизнерадостное сияние не скрывали ни занавески, ни ставни, и, прежде чем потянуться к дверному молотку, Нат успел заметить множество маленьких теней, которые танцевали на стенах, услышать завлекательный гул мальчишеских голосов и ощутить, что вряд ли эти свет, тепло и уют могут предназначаться бездомному «пареньку» вроде него.

«Надеюсь, хозяйка меня примет», — подумал он и не слишком решительно качнул большой бронзовый дверной молоток в форме головы веселого грифона.

Открыла ему румяная служанка. Взяв у него протянутое письмо, она улыбнулась. Видимо, принимать чужих мальчиков ей было не впервой, потому что она тут же указала на стул в вестибюле и проговорила, кивнув:

— Посиди тут, пусть вода на половик стечет, а я отнесу миссус.

Нат нашел, чем заполнить ожидание, — он с любопытством озирался, радуясь и увиденному, и тому, что из темноватого уголка у двери можно делать это незаметно.

Похоже, в доме так и кишели мальчишки, которые коротали дождливые сумерки, устраивая самые разные проказы. Мальчишки были повсюду, «впереди, и позади, и куда ни погляди», потому что сквозь открытые двери видны были симпатичные компании больших мальчиков, маленьких мальчиков и средних мальчиков: кто-то из них посвящал вечер отдыху, кто-то — буйству. Две большие комнаты справа явно служили классами — в них виднелись парты, карты, доски и книги. В камине пылал огонь, несколько лентяев развалились прямо перед ним, ведя беседу про новую крикетную площадку, да с таким жаром, что ботинки так и мелькали в воздухе. В одном углу, не обращая на шум никакого внимания, упражнялся в игре на флейте долговязый юнец. Еще двое-трое прыгали через парты, время от времени приостанавливаясь, чтобы отдышаться и поохотать над забавными рисунками какого-то озорника — тот исчертил доску карикатурами на всех присутствовавших.

В комнате слева стоял длинный стол, накрытый к ужину, — вместительные кувшины со свежим молоком, горки ломтей черного и белого хлеба, аккуратные стопки глазурированных пряников, столь милых мальчишескому сердцу. Пахло тостами, и к этому благоуханию примешивались нотки печеных яблочек —

обольстительный запах для юного носа и желудка, сильно проголодавшихся.

Впрочем, веселее всего было в прихожей: у дальнего входа шла буйная игра в пятнашки. На одной площадке играли в шарики, на другой — в шашки, а на лестничной площадке сидели мальчик с книжкой, девочка с куклой (она пела ей колыбельную), два щенка и котенок; по перилам непрерывной чередой съезжали мальчики помладше, рискуя нанести непоправимый урон как своей одежде, так и конечностям.

Засмотревшись на эту удивительную круговерть, Нат все дальше выходил из своего уголка, и, когда один особенно проворный юнец съехал по перилам столь стремительно, что не смог вовремя остановиться, а просто свалился на пол, треснувшись о него так, что не уцелела бы ни одна голова, кроме той, которая за одиннадцать лет постоянного тресканья приобрела крепость пушечного ядра, Нат забылся окончательно и бросился к поверженному ездоку, ожидая, что тот на последнем издыхании. Однако юнец мгновенно проморгался, а потом, не вставая, посмотрел в новое лицо с удивленным:

— Привет!

— Привет, — откликнулся Нат, не зная, что тут еще можно сказать: самому ему такой ответ показался кратким и подходящим.

— Ты новенький? — не пошевелившись, осведомился распростертый на полу юнец.

— Пока не знаю.

— А звать тебя как?

— Нат Блейк.

— А меня Томми Бэнгс. Пошли наверх, попробуешь съехать тоже.

Томми поднялся на ноги, будто внезапно вспомнив о правилах гостеприимства.

— Не стоит пока, сначала понять бы, оставят меня или нет, — ответил Нат, чувствуя, что с каждой секундой ему все сильнее хочется остаться.

— Гляди-ка, Деми, у нас новенький. Займись им.

С этими словами непоседа Томас вернулся к своим бойким развлечениям.

В ответ на его слова мальчик, читавший на лестнице, поднял большие карие глаза, а после короткой паузы, как будто слегка смутившись, засунул книгу под мышку и неспешно спустился вниз поприветствовать новоприбывшего — тому очень пришлось по душе симпатичное, с ласковыми глазами лицо этого стройного паренька.

— Ты видел тетю Джо? — спросил он, как будто речь шла о какой-то важной церемонии.

— Я пока никого, кроме вас, не видел. Жду, — ответил Нат.

— А дядя Лори тебя видел? — вежливо, но серьезно продолжил расспросы Деми.

— Мистер Лоренс видел.

— Он — дядя Лори, и он всегда присылает симпатичных мальчиков.

Нат просиял, услышав эти слова, — от улыбки его худенькое личико сделалось очень милостивым. Что еще сказать, он не знал, поэтому они стояли без слов, дружелюбно глядя друг на друга, пока не подошла девочка с куклой в руках. Она была очень похожа на Деми, только ростом поменьше, а лицом — круглее и румянее, да и глаза у нее были голубые.

— Это моя сестра Дейзи, — сообщил Деми, как будто речь шла о некоем редкостном и очень драгоценном создании.

Дети кивнули друг другу, на щеках девочки от удовольствия проступили ямочки, и она располагающим тоном произнесла:

— Надеюсь, ты у нас останешься. Тут совершенно замечательно, правда, Деми?

— Совершенно верно: для этого Пламфилд тете Джо и нужен.

— Похоже, действительно очень милое место, — заметил Нат, чувствуя, что должен как-то ответить на такие любезные слова.

— Лучшее место на свете, правда, Деми? — сказала Дейзи, явно считавшая брата главным авторитетом во всем.

— Ну, лично я считаю, что в Гренландии, где айсберги и тюлени, все-таки интереснее. Но Пламфилд мне нравится, тут очень хорошо, — ответил Деми, который как раз читал книгу про Гренландию. Он собирался было предложить Нату вместе взглянуть на картинки, — а он объяснит, что к чему, — но тут вернулась служанка и проговорила, кивнув на дверь гостиной:

— Так, можешь входить.

— Я очень рада. Ступай к тете Джо. — Дейзи взяла его за руку с мило-покровительственным видом, отчего Нат тут же почувствовал себя как дома.

Деми вновь погрузился в чтение, а его сестра повела новенького в заднюю комнату, где полный джентльмен резвился на диване с двумя мальчишками, а хуленькая дама как раз дочитывала письмо — судя по всему, по второму разу.

— Вот он, тетушка! — объявила Дейзи.

— Так это и есть новенький? Рада тебя видеть, дружок, надеюсь, тебе у нас будет хорошо, — сказала дама, привлекая его к себе и откидывая ему волосы со лба с такой материнской заботливостью, что одинокое сердечко Ната сразу же потянулось к ней.

Была она совсем не красива, но, глядя на ее жизнерадостное лицо, каждый понял бы, что она не забыла

детских причуд и привычек, и то же самое чувствовалось в ее голосе и повадках; именно эти вещи, которые непросто описать, но очень легко увидеть и ощутить, делали ее человеком легким и уживчивым, перед которым никто не робеет, — «симпатягой», как это называлось у мальчишек. Она заметила, как у Ната дрогнули губы, когда она приглаживала ему волосы, и ее вдумчивые глаза сделались мягче, а потом она притянула маленького оборвыша ближе и произнесла:

— Я — матушка Баэр, этот джентльмен — папа Баэр, а это — двое маленьких Баэров. Мальчики, идите познакомьтесь с Натом.

Троица, резвившаяся на диване, повиновалась мгновенно, полный джентльмен, посадив двух пухлых малышей на плечи, подошел поприветствовать новенького. Роб и Тедди весело улыбнулись Нату, а мистер Баэр пожал ему руку и, указав на стульчик перед камином, сердечным тоном произнес:

— Вот и местечко для тебя, сын мой, немедленно садись и высуши ноги.

— Мокрые ноги? А и действительно! Милый мой, немедленно снимай башмаки, а я моментально принесу тебе сухое! — воскликнула миссис Баэр и задвигалась с такой энергией, что Нат и глазом бы не успел моргнуть, даже если бы захотел, а уже оказался в уютном креслице, в сухих носках и теплых домашних туфлях. Вместо моргания он произнес:

— Благодарю, мадам.

Причем произнес с такой искренней признательностью, что глаза у миссис Баэр смягчились еще сильнее, и она решила обратить дело в шутку — так она всегда поступала, будучи растроганной.

— Туфли-то Томми Бэнгса, да только разве он вспомнит, что дома их надо надевать, следовательно, —

не получит. Они тебе великоваты, но оно и к лучшему: надумаешь сбежать — резво у тебя не получится.

— Мне совсем не хочется сбежать, мадам. — Нат с довольным вздохом протянул чумазые ручонки к уютному пламени.

— Вот и славно! Уж я тебя прожарю на совесть и постараюсь избавить от этого мерзкого кашля. Давно он у тебя, милый? — спросила миссис Баэр, роясь в большой корзинке в поисках куска фланели.

— Всю зиму. Я простудился, и он все не проходит.

— Ну еще бы, если жить в сыром подвале, а под спинку-то и рогожку не подложат! — тихо произнесла миссис Баэр, обращаясь к мужу. Тот смотрел на мальчика вдумчивыми глазами, тут же подметившими впалые виски и обметанные лихорадкой губы, равно как и хриплый голос, и постоянные приступы кашля, которые сотрясали сторбленные плечики под заплатаемым пиджачком.

— Робин, будь паинькой, сбегай к Нянюшке, попроси у нее микстуру и мазь от кашля, — произнес мистер Баэр, взглядом послав телеграмму жене.

Ната эти приготовления несколько взволновали, однако страхи сменились искренним смехом, когда миссис Баэр прошептала ему озабоченно:

— Вот увидишь, мой проказник Тедди сейчас будет кашлять понарошку. В сироп, которым я собираюсь тебя поить, добавлен мед, он тоже хочет полакомиться.

Когда пузырек принесли, малыш Тед уже покраснел от натуги, пытаясь выдавить из себя кашель, — ему разрешили облизать ложку после того, как Нат мужественно проглотил свою дозу, а также позволил завязать себе горло фланелью.

Едва были предприняты эти первые шаги к излечению, как громко прозвонил колокольчик, и оглуши-

тельный топот в коридоре возвестил о приближении ужина. Застенчивый Нат слегка оробел при мысли, что сейчас увидит множество незнакомых мальчиков, однако миссис Баэр протянула ему руку, а Роб покровительственно произнес:

— Не бойся, я тебя защитю.

Двенадцать мальчиков — по шесть с каждой стороны — стояли за спинками своих стульев, приплясывая от нетерпения, а долговязый юнец, до того игравший на флейте, пытался обуздать их пыл. Впрочем, никто не садился, пока миссис Баэр не заняла свое место у чайника — слева от нее сидел Тедди, а справа — Нат.

— Это наш новенький, Нат Блейк. После ужина можете с ним поздороваться. Тихо, мальчики, тихо.

При этих словах все уставились на Ната, а потом принялись усаживаться, пытаясь делать это чинно — впрочем, безо всякого успеха. Баэры очень старались, чтобы за едой их воспитанники вели себя подобающе, и, как правило, преуспевали, ибо правила были просты и немногочисленны, а мальчики, понимая, что им идут навстречу, изо всех сил старались им следовать. Но случилось, что голодных сорванцов было не приструнить без резкого слова, а вечер субботы, после свободной от занятий половины дня, был именно таким моментом.

— Славные мои малыши, надо же им хоть один день в неделю поорать, пошуметь и порезвиться в свое удовольствие. Выходной не выходной без радости и свободы, так что пусть хоть разок в неделю отведут душу, — говаривала миссис Баэр, когда люди строгого нрава интересовались, почему в некогда почтенных стенах Пламфилда дозволено спускаться по перилам, драться подушками и затевать иные буйные игры.

Порой действительно казалось, что упомянутые стены того и гляди рухнут, однако они не рушились, ибо одно слово папы Баэра разом смиряло стихию, а мальчишки давно усвоили, что вольностями не следует злоупотреблять. Соответственно, вопреки всем мрачным предсказаниям школа процветала, ученикам прививали высокую нравственность и хорошие манеры, хотя сами мальчишки плохо понимали, как именно.

Нат очень славно устроился за высокими кувшинами — Томми Бэнгс сидел неподалеку, а миссис Баэр совсем рядом, наполняя его тарелку и кружку, едва он успевал их опустошить.

— А кто этот мальчик рядом с девочкой на другом конце? — шепотом осведомился Нат у своего юного соседа, воспользовавшись взрывом смеха как прикрытием.

— Деми Брук. Мистер Баэр — его дядя.

— Ну и странное имечко!

— На самом-то деле его зовут Джон, но его прозвали Демиджон, то есть Полуджон, потому что папу его тоже зовут Джоном. Шутка такая, понимаешь? — любезно пояснил Томми.

Нат не понял, однако вежливо улыбнулся и заинтересованно спросил:

— Он очень милый, да?

— Да уж, это точно, чего только не знает и читает без остановки.

— А этот толстячок с ним рядом?

— Это Тюфяк Коул. Его настоящее имя — Джордж, но мы зовем его Тюфяком, потому что он страшный обжора. Малыш рядом с папой Баэром — его сын Роб, потом сидит большой Франц, его племянник, он кое-какие уроки ведет и вроде как за нами присматривает.

— И на флейте играет, да? — уточнил Нат, но Томми временно лишился дара речи, потому что запихал в рот печеное яблоко целиком.

Томми кивнул, а потом добавил — причем быстрее, чем, казалось бы, это возможно при таких обстоятельствах:

— Да, еще как! Мы иногда танцуем под музыку или занимаемся гимнастикой. Мне лично нравится барабан, если получится, обязательно научусь на нем играть.

— А я больше всего люблю скрипку и даже играю на ней, — сказал Нат, почувствовав себя увереннее в беседе о знакомых вещах.

— Правда? — Томми уставился на него круглыми глазами поверх ободка своей чашки. — У мистера Баэра есть старая скрипка, если захочешь, он тебе ее даст.

— А можно? Мне бы просто ужасно этого хотелось. Понимаешь, я раньше ходил с отцом и еще с одним человеком по улицам и играл на скрипке, но потом папа умер.

— Небось здорово было? — поинтересовался Томми, явно впечатленный.

— Нет, просто ужасно: зимой — холод, летом — жара. Я уставал, а еще они на меня иногда сердились и есть давали совсем мало. — Нат сделал паузу и откусил здоровенный кусок пряника, как бы убеждая себя в том, что дурные времена позади, потом с сожалением добавил: — А вот скрипочку свою я любил и очень по ней скучаю. Николо ее взял себе после папиной смерти и мне больше не давал, потому что я заболел.

— Будешь хорошо играть — тебя в оркестр возьмут. Вот увидишь.

— А у вас тут оркестр есть? — Глаза у Ната блеснули.

— Еще бы! Отличный оркестр, одни мальчики, концерты дают и все такое. Вот подожди, завтра вечером увидишь.

После этого завлекательного сообщения Томми вернулся к еде, а Нат погрузился в сладостные мечты, сидя над полной тарелкой.

Миссис Баэр слышала этот разговор, хотя на первый взгляд была занята тем, что наполняла кружки и следила за маленьким Тедом, который засыпал на ходу, — попал ложкой в глаз, склонил, точно мак, головку и наконец засопел, прижавшись щекой к мягкой булочке. Миссис Баэр специально посадила Ната рядом с Томми — маленький непоседа обладал открытым и общительным нравом, который так располагает к себе людей застенчивых. Нат это почувствовал и прямо за ужином сделал несколько небольших признаний, которые помогли миссис Баэр разобраться в характере новенького куда лучше, чем если бы она решила поговорить с ним сама.

В письме, которое мистер Лоренс прислал с Натом, было сказано:

Дорогая Джо, история прямо специально для тебя. Этот бедняжка осиротел, болен и неприкаян. Он был уличным музыкантом, я отыскал его в подвале — он скорбел по умершему отцу и отобранной скрипке. Мне кажется, в нем что-то есть, и у меня возникло ощущение, что совместными усилиями мы с тобой его вытащим. Ты излечишь его изможденное тельце, Фриц займется душой, которой часто пренебрегали, а когда придет время, я проверю, кто перед нами: гений или всего лишь мальчик, способный своим талантом зарабатывать на жизнь. Дай ему этот шанс ради твоего

Тедди.

— Дадим, разумеется! — вскричала миссис Баэр, прочитав письмо, а когда она увидела Ната, то сразу почувствовала, что ей не важно, гений он или нет, перед ней был брошенный больной ребенок, которому нужно было то, что у нее как раз имелось, — дом и материнская забота. Они с мистером Баэром исподтишка наблюдали за Натом, и сквозь изношенную одежду, неловкость манер и грязь на лице видели многое, что им очень понравилось. Нат был худым и бледным двенадцатилетним мальчиком с голубыми глазами и высоким лбом под лохматыми нечесаными волосами; на личике порой появлялись страх и тревога — он будто ждал жестоких слов или побоев; нежные губы вздрагивали при каждом добром взгляде, а от ласковых слов на лице появлялось располагающее выражение благодарности. «Ах, бедолажка, да пусть, если хочет, хоть целыми днями играет на скрипке», — подумала про себя миссис Баэр, увидев, какая радость и заинтересованность появились у Ната на лице, когда Томми заговорил про оркестр.

А потому после ужина, когда мальчики стайкой отправились в класс, чтобы «еще порезвиться», миссис Джо принесла скрипку и, переговорив с мужем, подошла к Нату — тот сидел в уголке, наблюдая за чужими шалостями с пристальным вниманием.

— Давай, дружок, сыграй нам что-нибудь. Нам в оркестре нужна скрипка, уверена, ты отлично справишься.

Миссис Баэр ждала колебаний, но Нат тотчас же схватил старенькую скрипку и огладил ее с такой нежностью и заботой, что сразу же стало ясно: музыка — его страсть.

— Я буду изо всех сил стараться, мадам. — Вот и все, что Нат произнес, а потом провел смычком по струнам, будто бы ему не терпелось вновь услышать родные звуки.

В комнате стоял страшный гам, но Нат, похоже, сделался глух ко всему, кроме тех звуков, которые производил сам; он тихо заиграл, будто бы только для себя, и, видимо, от восторга забыл обо всем на свете. Это была всего лишь простенькая негритянская мелодия, из тех, которые любят уличные музыканты, но она тут же зачаровала всех мальчиков, они замерли, слушая с изумлением и восторгом. Музыка лилась, они придвигались все ближе и ближе, подошел и мистер Баэр, чтобы рассмотреть музыканта, а Нат, будто бы оказавшись в родной стихии, играл, не замечая никого вокруг, — глаза его сияли, щеки разругались, а тонкие пальцы так и порхали: он сжимал старую скрипочку и заставлял ее говорить со всеми сердцами на языке, который сам очень любил.

Наградой ему стал взрыв аплодисментов — он оказался даже желаннее потока мелких монет: аплодисменты зазвучали, едва он опустил смычок и огляделся, будто бы говоря: «Я старался как мог, очень хочу, чтобы вам понравилось».

— Ух ты, первоклассно! — завопил Томми, успевший записать Ната в свои протезы.

— Будешь первой скрипкой в моем оркестре, — добавил Франц с одобрительной улыбкой.

Миссис Баэр прошептала мужу:

— Тедди прав, в этом мальчике что-то есть.

А мистер Баэр энергично закивал, хлопнул Ната по плечу и от души произнес:

— Ты отлично играешь, сын мой. А теперь сыграй-ка что-нибудь, подо что мы сможем спеть.

Никогда еще, наверное, бедняга не испытывал такой радости и гордости, как в тот момент, когда его поставили на почетное место рядом с фортепьяно, а все мальчики собрались вокруг, не обращая никакого внимания на его жалкие одежки, — они смот-

рели на него с уважением и нетерпеливо дожидались, когда он заиграет снова.

Они выбрали песню, которую Нат знал, и после одного-двух неудачных зачинов дружно зазвучали скрипка, флейта и фортепьяно, ведя за собой хор мальчишеских голосов, — все они так и звенели под старой крышей. Нат — он оказался слабее, чем полагал сам, — не выдержал: когда замер последний звук, лицо его исказилось, он уронил скрипку, повернулся к стене и зарыдал, как маленький.

— Что с тобой, дружок? — спросила миссис Баэр, которая до того пела во весь голос и пыталась удержать маленького Роба, чтобы он не отбивал ритм башмачками.

— Вы так добры, и это так красиво, что я не сдержался, — всхлипнул Нат и закашлялся, задохнувшись.

— Идем, дружок, тебе нужно в кровать, отдохнуть, ты очень устал, здесь для тебя слишком шумно, — прошептала миссис Баэр и увела его в свою гостиную, где можно было выплакаться без помех.

А потом она ненавязчиво навела Ната на разговор о его невзгодах, выслушала его незамысловатый рассказ — в ее собственных глазах стояли слезы, хотя ничего нового она не услышала.

— Дружок, теперь у тебя есть и отец, и мать, а это твой дом. Не думай больше про грустные времена, поправляйся и радуйся жизни, я тебе обещаю: мы сделаем все, чтобы ты больше никогда не страдал. Это место для того и придумано, чтобы самые разные мальчишки жили здесь в свое удовольствие и учились, как я надеюсь, существовать самостоятельно и приносить пользу. Играть на скрипке сможешь столько, сколько захочешь, только сначала тебе нужно окрепнуть. Пойдем к Нянюшке, она тебя выкупает и уло-

жит в постель, а завтра вдвоем составим всякие замечательные планы.

Нат порывисто сжал ее руку, но слов подобрать не мог, благодарность высказал его взгляд, а миссис Баэр отвела его в просторную комнату, где дожидалась полная немка с лицом таким круглым и приветливым, что оно казалось настоящим солнышком, а широкие оборки капора — лучами.

— Это Нянюшка Хаммель, она тебя искупает и подстрижет волосы, чтобы ты стал «чистюлей», как это называет Роб. Ванная вон там, и по субботам мы дочиста отмываем всех малышей и отправляем в кровать еще до того, как старшие закончат петь. Так, Роб, давай полезай.

Не прерывая разговора, миссис Баэр освободила Роба от одежды и засунула в длинную ванну, стоявшую в комнатухе рядом с детской.

Ванны здесь, собственно, были две, а еще — ванночки для ног, тазики, душевые шланги и иные приспособления, чтобы поддерживать тело в чистоте. Со всем скоро Нат уже нежился во второй ванне и, отмокая, наблюдал, как трудятся две женщины — они отмыли, переодели в чистые пижамки и распихали по кроватям четверых или пятерых малышей, которые, разумеется, устраивали по ходу дела всевозможные проказы и буквально фонтанировали весельем, пока веселье это не угасло под одеялом.

Когда Ната умыли, завернули в одеяло и посадили перед горящим камином, где Нянюшка принялась стричь ему волосы, прибыл новый отряд мальчиков — их заперли в ванной, откуда доносились такой гам и плеск, будто там резвилась стайка молодых китов.

— Ната, пожалуй, положим здесь: если ночью его будет беспокоить кашель, дадите ему напиток чая с льняным семенем, — распорядилась миссис Баэр,

которая порхала туда-сюда, как беспокойная утка над большим и неугомонным выводком.

Нянюшка этот план одобрила, закутала Ната во фланелевый халат, налила в кружку чего-то теплого и сладкого, а потом уложила в одну из трех стоявших в комнате кроваток — там он лежал с видом довольной жизнью мумии и с чувством, что ничего роскошнее и быть не может. Сама по себе чистота оказалась новым и восхитительным ощущением, а о таких удобствах, как фланелевые халаты, в его мире и не слыхивали; «вкуснятина», которую он потягивал, успокоила кашель так же, как ласковые слова успокоили его сердечко, а ощущение, что о нем кто-то готов позаботиться, превратило простенькую комнатку в Небесный Чертог в глазах бездомного ребенка. Все это напоминало сладкий сон, и Нат то и дело закрывал глаза, дабы убедиться, что сон не растает, если открыть их снова. Все было слишком замечательно, чтобы заснуть, да ему это и не удалось бы при всем желании, потому что через несколько секунд его изумленным, но отнюдь не осуждающим глазам явился один из самых своеобразных обычаев Пламфилда.

Едва смолк шум водных процедур, как вдруг воздух наполнили подушки, летевшие во все стороны, — ими швырялись белые гоблины, повскакавшие со своих постелей. Битва кипела сразу в нескольких комнатах, до самого второго этажа, и время от времени даже перекидывалась в детскую, когда прижатому к стене воину приходилось искать там укрытия. Судя по всему, никого это побоище не смущало, никто его не запрещал и даже не выказывал удивления. Нянюшка продолжала развешивать полотенца, а миссис Баэр — раскладывать чистую одежду с той же невозмутимостью, с какой они это делали бы в обстановке полного порядка. Хуже того, миссис Баэр даже выгнала одного особо ретивого воина из комнаты и послала ему

вдогонку подушку, которой он до того коварно запустил в нее.

— А никто не ушибется? — спросил Нат, хохотавший в кровати во все горло.

— Да ни за что! В субботу вечером у нас разрешено драться подушками. Завтра все равно наволочки менять, а после ванны такой бой очень поднимает настроение. Мне и самой нравится, — призналась миссис Баэр, вернувшись к сортировке дюжин носков.

— Какая у вас замечательная школа! — заметил Нат, оцепенев от восторга.

— Она у нас довольно странная, — рассмеялась миссис Баэр, — но ты скоро поймешь, что мы не считаем нужным портить ученикам жизнь лишними правилами и бесконечной учебой. Поначалу я запрещала беситься по вечерам, вот только от запретов не было никакого толку. Удержать мальчиков в постелях было не проще, чем чертика в табакерке. Тогда мы заключили соглашение: каждый субботний вечер я позволяю пятнадцать минут драться подушками, а они обещают в остальные дни чинно ложиться спать. Попробовали — получилось отлично. Нарушат данное мне слово — никаких забав, не нарушат — я поворачиваю к стене все стеклянное, убираю лампы в безопасное место и даю им поразвлечься.

— Прекрасное установление, — произнес Нат, которому очень захотелось принять участие в потасовке, вот только вызваться сразу в первый же вечер он не решался. А потому лежал, наслаждаясь зрелищем, которому, безусловно, было не занимать живости.

Во главе нападающих стоял Томми Бэнгс, а Деми защищал свою комнату с поразительной отвагой, сноровисто складывая за спиной прилетавшие подушки — пока захватчики не остались без боеприпасов, после чего они устремились врукопашную и вернули себе свой арсенал. Было несколько мелких травм, но

никого это не смущало, звучные шлепки наносили и принимали с полнейшим добродушием — подушки летали в воздухе, как огромные снежные хлопья, но вот миссис Баэр посмотрела на часы и провозгласила:

— Мальчики, время. По постелям, а кто не спрятался, я не виновата!

— А что это значит? — удивился Нат, который даже сел в кровати, чтобы увидеть, что же будет с теми бедолагами, которые осмелятся послушаться этой удивительной, но одновременно и такой благожелательной наставницы.

— А то, что в следующий раз не будет никаких развлечений, — ответила миссис Баэр. — Я даю им пять минут, чтобы улечься и погасить свет, — и ожидаю, что они послушаются. Они знают, что такое честь, и держат слово.

Это было совершенно очевидно, поскольку битва закончилась столь же внезапно, как и началась, — парочка запоздалых снарядов, заключительный вопль, прогремевший, когда Деми метнул седьмую подушку в отступавшего противника, посулы на следующий раз, а потом — тишь да гладь. Тишину, следовавшую за этим субботним буйством, нарушали лишь редкие смешки и приглушенные перешептывания; матушка Баэр поцеловала новенького и оставила его смотреть светлые сны о жизни в Пламфилде.

Глава вторая МАЛЬЧИКИ

Пока Нат отсыпается, расскажу-ка я своим юным читателям про тех мальчиков, среди которых ему предстоит проснуться.

Начнем с наших старых знакомых. Франц высок ростом, ему уже шестнадцать, типичный немец — круп-

ный, светловолосый, начитанный, очень домовитый, общительный и музыкальный. Дядюшка готовит его к поступлению в университет, а тетушка — к счастливой семейной жизни, то есть упорно воспитывает в нем добронравие, любовь к детям, уважение к женщинам, как пожилым, так и молодым, и готовность помогать по хозяйству. Он ее правая рука во всем, положительный, добродушный и терпеливый, свою жизнерадостную тетушку он любит, как мать, какой она и пытается для него быть.

Эмиль — совсем другой: вспыльчивый, непоседливый и деятельный, его мечта — стать моряком, ибо в жилах его течет древняя кровь викингов, укротить которую невозможно. Дядя пообещал, что отправит его в море в шестнадцать лет, и убедил изучать навигацию, подсовывал книги про славных и знаменитых адмиралов и героев, позволял, когда сделаны все уроки, вести лягушачью жизнь в речке, пруду и ручейке. Комната Эмиля похожа на каюту военного корабля: все здесь связано с морем, армией, кораблестроением. Его кумир — капитан Кидд¹, а любимое развлечение — нарядиться этим джентльменом-пиратом и горланить во всю глотку свирепые моряцкие песни. Танцует он исключительно матросские танцы, ходит вразвалочку и говорит — насколько это позволяет дядя — на матросском языке. Мальчишки называют его Командором и очень гордятся его флотом, который бороздит пруд и порой терпит крушения, они обескуражили бы всякого флотоводца, кроме этого будущего моряка.

¹ *Капитан Уильям Кидд* (1645–1701) — шотландский, а потом американский пират, а точнее — капер (то есть он имел официальное разрешение правительства атаковать и захватывать суда, принадлежавшие неприятельской державе). Прославился своей храбростью (равно как и жестокостью), впоследствии стал героем многих литературных произведений. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Деми — один из тех детей, в которых явственно заметны результаты разумной любви и заботы: его душа и тело всегда в согласии друг с другом. Естественная душевная тонкость, привить которую может только влияние семьи, сообщила простоту и притягательность его манерам: мама взращивала в нем невинное и любящее сердце, папа надзирал за его физическим возмужанием, следил, чтобы здоровая пища, спортивные упражнения и сон придавали ему крепость и прямоту, а дедушка Марч развивал юный ум благожелательной мудростью современного Пифагора¹: не забывая его долгими и сложными уроками, которые надлежит затверживать, точно попугай, а помогая раскрываться прекрасным естественным образом — так солнце и роса помогают раскрыться розе. Деми отнюдь не был идеальным ребенком, однако даже недостатки его обладали своей прелестью, а поскольку его рано обучили смирять свои порывы, он не сделался игрушкой страстей и appetитов, что нередко бывает с несчастными маленькими смертными, наказанием которым после становится то, что они поддаются искушениям, ибо не научились им противостоять. Деми был тихим, загадочным мальчиком, серьезным и жизнерадостным; вряд ли он сознавал, что необычайно красив и умен, но при этом мгновенно подмечал сообразительность и красоту в других детях и воздавал ей должное. Он обожал книги и часто предавался живым фантазиям, которые порождали сила воображения и одухотворенность натуры; родителей его тревожили эти свойства, и они считали необходимым уравновесить их полезными позна-

¹ *Пифагор Самосский* (570–490 до н. э.) — древнегреческий философ и математик, создатель собственной философской школы, а также теоремы, названной по его имени и ставшей одной из основ современной геометрии.

ниями и здоровым обществом, а то как бы мальчик не превратился в одного из тех бескровных умников, которые способны удивлять и восхищать родных, но потом увядают, подобно оранжерейным цветам, поскольку их юные души расцветают преждевременно и нет при них крепкого тела, с помощью которого их можно укоренить в плодородной почве нашего мира.

Именно поэтому Деми и пересадили в Пламфилд, и тамошняя жизнь пришлось ему настолько по душе, что Мег, и Джон¹, и дедушка единодушно признали: это был благоразумный поступок. Общение с другими мальчиками развивало в Деми практическую сметку, воспитывало волю и сдувало паутинки, к плетению которых был так склонен его молодой ум. Надо сказать, Деми немало шокировал свою маменьку, вернувшись домой, ибо научился хлопать дверью, сочно произносить: «Чтоб я провалился», а кроме того, потребовал высокие, крепкие сапоги, «чтобы топали, как папины». Джон, однако, радовался этим переменам, смеялся над выразительными репликами сына, купил ему новые сапоги и с удовлетворением произнес:

— Все идет хорошо, а значит, пускай топает. Я хочу, чтобы мой сын вырос настоящим мужчиной, и налет грубоватости ему пока не повредит. Мы со временем его отполируем, а что до знаний, их он еще соберет, как вот голуби собирают горох. Не стоит его торопить.

Дейзи излучала свет и обаяние — в ней уже просматривалась будущая женщина, ибо она была очень похожа на свою нежную маму и прекрасно рукодельничала. Было у нее семейство кукол, которым она да-

¹ *Мег и Джон* — Маргарет и Джон Брук, родители Деми, — персонажи романов Луизы Олкотт «Маленькие женщины» и «Юные жены».

вала образцовое воспитание; она и дня бы не прожила без своей рабочей корзинки и шитья, причем шила так ловко, что Деми то и дело вытаскивал из кармана носовой платок, чтобы продемонстрировать ее аккуратные стежки, а у малышки Джози имелась чудная фланелевая юбочка, сработанная сестричкой Дейзи. Дейзи нравилось шарить в посудном шкафу, подавать к столу солонки, раскладывать ложки, а еще она каждый день проходила по всей гостиной со щеткой и чистила все столы и стулья. Деми называл ее Бетти¹, однако радовался, что она поддерживает во всем порядок, выполняет своими ловкими ручками самые разные его поручения и помогает ему делать уроки: в смысле знаний они шли наравне, без малейшей тени соперничества.

Их взаимная любовь не утратила своей крепости, никакие насмешки не мешали Деми относиться к Дейзи с нежностью. Он доблестно защищал ее от всех обидчиков и никак не мог понять, почему некоторые мальчишки стыдятся говорить напрямки, что любят своих сестреночек. Дейзи обожала брата-близнеца, считала, что «ее братик» — самый замечательный мальчик на свете, и каждое утро, завернувшись в халатик, шлепала к его дверям и стучала, произнося материнским тоном: «Вставай, милый, скоро завтрак, вот тебе чистый воротничок».

Роб рос непоседливым мальчуганом: казалось, он открыл секрет вечного движения, потому что на месте не оставался ни секундочки. По счастью, озорником он не был, да и храбрецом тоже, а потому редко попадал в переделки и перелетал от мамы к папе, подобно ласковому маятнику, издающему бодрое тиканье: дело в том, что Роб был еще и болтунишкой.

¹ *Бетти* (сокращенное от *Элизабет*) — распространенное имя девушек из престолярства и служанок.